

О.В. Доля,
д.м.н., доцент

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.И. ПИРОГОВА

В статье рассматриваются антропологические взгляды великого русского хирурга, педагога, мыслителя Н.И. Пирогова, которые включены в структуру его мировоззрения. Развивая идеи медицинской, естественнонаучной антропологии, Пирогов осуществляет более масштабный подход к рассмотрению человека, что определило его переход к общей философской антропологии. В свете ее ученый рассматривает проблемы пространства и времени человеческого бытия и развития, целостности человека и его противоречивости, веры и человека, человека и вселенной.

Ключевые слова: медицинская антропология, индивидуализирование, жизненное начало, вера, телесность, человек, амбивалентность человека, целостность, Н.И. Пирогов.

This article deals with anthropological views of a famous Russian surgeon, teacher and thinker N.I. Pirogoff, who developed the ideas of medical and nature – science anthropology. He considered a human being at a large – scale, which determined his adoption of general philosophical anthropology. From the point of view of this anthropology he examined such problems as space and time of human existence and development, human wholeness and contradiction, man and faith and man and the Universe.

Keywords: medical anthropology, individualization, vital force, human, human ambivalence, N.I. Pirogov.

Н.И. Пирогов – гордость отечественной науки и культуры – известен прежде всего как гениальный хирург с мировым именем. Он был не только блестящим медиком, но и ученым, педагогом, мыслителем. В центре его мировоззренческих исканий всегда находились человек, его сущность, смысл жизни, поиски идеала. В связи с этим в мировоззрении Пирогова оказывался целый комплекс антропологических идей.

В 40-е годы XIX века в европейской философии свершился переход к антропологии, который некоторые исследователи не без оснований рассматривали как радикальный перелом в мышлении по отношению ко всей предшествующей истории философии. Если ранее фундаментальное западное мышление задавалось вопросом об основании мировой действительности, опиралось на понятие Бога или абсолюта, то после смерти Гегеля в различных философских направлениях утверждалось, что «вопрос об абсолютном основании действительности всегда вновь обращался к вопрошающему человеку»¹, то

¹ Петер Элен. Стертый горизонт (Ф. Ницше) // Разум и экзистенциальный анализ научных и ненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 327–328.

есть наметился поиск «человеческого измерения» традиционных философских проблем.

Антропологические идеи развивались в отечественной философии, просматриваясь от работ средневекового периода вплоть до современных концепций. Можно сказать, что эта проблема имманентна самому развитию русской философской мысли, отличаясь своеобразием и оригинальностью своего выражения и решения. Спектр антропологических воззрений широк, отражаясь в классических темах русской духовности: Бог, человек, нравственные корни и коллизии человеческого существования, его неискоренимый дуализм. В целом русской антропологии присущи персоналистический пафос, нравственная напряженность, размышление о соборности как примирении свободы каждого и единства всех.

М.А. Маслин выделяет два уровня философско-антропологических идей в отечественной культурной традиции. Первый связан с «неспециализированными» источниками философско-антропологической мысли в России, к которым относится летописная, житийная, нравственно-поучительная литература. Антропологическая тематика прослеживается в «Слове о Законе и Благодати»

Иллариона, в «Починении» Владимира Мономаха, в спорах «иосифлян» и «нестяжателей», философском наследии М. Грека. Можно предположить, что во многом философско-антропологическая тематика определялась принятием христианства на Руси, его утверждением и в связи с этим новым пониманием места и роли человека в мире.

Второй уровень философско-антропологических идей связан со становлением специализированных философско-антропологических построений в русской философии XVIII – начала XIX века. Они ассоциируются с именами Г.С. Сковороды с его «метафизикой сердца», А.Н. Радищева с просветительской философией человека в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», А.И. Галича с идеалистической антропологией в трактате «Картина человека». Но этот период отмечен не только появлением философских работ, специально посвященных проблемам человека. Замечательно и то, что ответ на вопросы о сущности человека давали деятели науки, естествознания, медицины. Современные последователи в области философии здоровья (валеософии), говоря об особенностях развития отечественного здравоохранения, подчеркивают именно антропоцентрический характер отечественного естествознания и медицины наряду с особой ролью духовности и прежде всего нравственных идеалов и принципов, «теургическим беспокойством»¹, присущими русской интеллигенции вообще, а врачам в большей степени, превалярованием православных моральных ценностей². Все это в значительной степени обнаруживается в творчестве Н.И. Пирогова и как врача, и как мыслителя.

В работах Пирогова нет завершенной системы антропологии, но все идеи буквально пронизывают их, концентрируясь в размышлениях о человеке, его бытии, его противоречивости и в то же время целостности. В них прослеживается переход от медицинской антропологии к философской. На принципиальную возможность такого перехода и его закономерность указывают многие последователи. Так, К. Ясперс, касаясь вопроса о человеческой природе как таковой, подчеркивал, что «свои ответы на этот вопрос есть у биологов, антропологов, богословов, философов»³, пересекающихся именно в его решении. Интересная точка зрения на эту проблему у богословов. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет в статье «Богословие и антропологические концепции XX века», отмечая, что «богословие по существу своему антропологично, потому что его адресатом является человек», в то же время говорил о его заинтересованности в том знании о человеке, которое накопила современная наука, а также философия. В отличие от специальных наук – биологии, психологии, лингвистики, социологии и других – «философская антропология стремится выявить сущностные характеристики человека, понять его природу или же его особое место в мироздании»⁴.

¹ Теургический (греч. Theos и ergon – благоденствие).

² Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.). М., 2005. Т. 4. С. 712.

³ Ясперс К.. Общая психопатология. М., 1997. С. 903.

⁴ Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. М., 2007. С. 105.

Как естествоиспытатель и врач, Пирогов рассматривает человека прежде всего как природное существо, находящееся в ряду других живых организмов. Само понятие «человек» он считает «обыкновенным обобщением», в котором «мы понимаем не более как свойство, несомненно характеризующее человеческие особи»⁵. Пирогов сопоставляет человека с любыми другими существами, указывает на моменты общности и различия. К таким общим моментам он относит «ощущения нашего бытия» в нашем уме и «чувство бытия» у животных. Первым толчком его появления служит, говорит ученый, действие внешнего мира на чувства, но «самая суть и ощущения бытия <...> скрывается глубоко в существе самого жизненного начала»⁶. И это «самобытное, бесформенное начало жизни» творит в безграничных и первобытных пространстве и времени всевозможные формы вещества, направляя все другие силы к борьбе за существование. Мощное жизненное начало Пирогов объясняет с позиций биоцентрического понимания природы, смысловым ядром которого является понятие жизни.

Как видим, Н.И. Пирогов не отрицает связь человека с животным миром, «принимая весьма хладнокровно взгляд на происхождение мое, – как он отмечает, – от обезьяны», но при этом он не принимает «ни малейшего намека на отсутствие творческого плана и творческой целесообразности в мироздании»⁷. Признавая учение Дарвина, Пирогов в то же время ставит вопрос о том, «что заставило атомы вещества складываться в оформленное существо, способное к самостоятельному бытию, к борьбе за существование, наследственности и производству новых себе подобных или несходных с собой существ»⁸. Отвечая на него, он говорит о том, что никогда не признает, чтобы первобытная клетка «не заключала в себе творческой мысли в ее конечном назначении и творческого (целесообразного) предопределения»⁹.

По мнению Николая Ивановича, прогресс в науке, безусловно, «утончает опыт», но не может ответить на вопрос, что же заправляет «органической фабрикой»¹⁰. В связи с этим он прямо говорит, что верховный разум и духовная воля Творца, проявляемые целесообразно, – прочное, неизменное, абсолютное начало. Такой переход в анализе антропологических проблем, по существу, на позиции религиозного мыслителя связан, на наш взгляд, с общей гуманистической ориентацией Пирогова как врача, хирурга, придающего огромное значение надежде, вере, которые отличают человека как живое существо от других существ и помогают в практике лечения.

Если ощущение бытия роднит человека и животное, то различие между ними Пирогов усматривает в том, что оно связано с его самосознанием, являющимся основой для веры. Животное же, ощущая свое бытие, не осознает этого ощущения, сливаясь с окружающим миром. «Веру, –

⁵ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 93.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 166.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Там же.

пишет Пирогов, – я считаю такой психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животного»¹. Не противопоставляя веру научному знанию, он отмечает, что если верховный разум Творца заблагорассудил «произвести человеческий род от обезьяны», то, несомненно, вера в человеке развилась постепенно, из грубых чувственных представлений, взятых им из окружающей природы. При этом Пирогов допускал возможность гипотезы о происхождении первобытного человеческого типа, теперь уже выродившегося, который принес с собой «все задатки высших способностей души, в том числе и веры»². Проблему веры Пирогов рассматривает, переходя и к философской антропологии, о чем речь пойдет ниже, но она, как видим, присутствует и в его анализе места человека среди других живых существ, что, скорее, относится к медицинской антропологии.

Значительное место в работах Н.И. Пирогова отведено проблемам телесности человека, к которой он подходит не только как врач, хирург, но и как организатор здравоохранения в стране. Медицину он рассматривает как такую прикладную науку, которая имеет «дело прямо со всеми атрибутами человеческой природы (как своего собственного, так и другого чужого „Я”)), поэтому для нее, кроме научных сведений и опытности необходима «еще добросовестность, приобретаемая только трудным искусством самосознания, самообладания и знания человеческой природы». Все это определяется громадной ответственностью перед обществом и перед самим собой, которую принимает на себя тот, кто получает, подчеркивает Пирогов, вместе «с дипломом врача некоторое право на жизнь и смерть другого»³. Врач обязан рассматривать человека как сложную многоуровневую систему, которая реагирует не только на внешние воздействия и которую нельзя уподоблять машине. «Кондилык утверждал, – пишет Пирогов, – что человек без внешних чувств – статуя. Это неправда... Сознание в себе памяти, мысли, воображения, без сомнения, возбуждается и поддерживается внешними и органическими чувствами; но нет причины, мне кажется, отвергать возможность этого сознания и при отсутствии внешних и органических чувств»⁴. Также отвергает Николай Иванович и попытки рассматривать организм в качестве машины. «Напрасно говорят, – отмечает он, – что организм наш есть машина; наоборот, каждая придуманная нами машина есть не что другое, как сколок с существующих уже в природе и в нашем организме приборов и снарядов»⁵, следовательно, речь идет о несравненно более высокой форме организации материи, а именно о биологической. Но и при этом необходимо иметь в виду, что человек – не просто биологическое существо, поэтому рассмотрение телесности даже на уровне медицинской антропологии требует от врача более масштабного взгляда на человека, учитывающего особенности данного индивида, его личностные характеристики. В связи с этим

Пирогов вводит понятие «индивидуализирование», которое обозначает «новую, еще не початую отрасль знания»⁶. Она, по мнению хирурга, может быть развита тогда, когда изучение «человеческих особей» настолько продвинется вперед, что каждую из них можно будет отнести к той или иной категории, а «свойства каждой категории противостоять внешним и органическим (внутренним) влияниям будут известны». Тогда и статистика в здравоохранении с ее цифровыми данными получит иное значение, при котором качественные характеристики станут определяющими.

Медицинская антропология конкретизирует общепризнанный философский вопрос о том, что такое человек, придавая ему более частный характер: что есть человек в медицине? Здоровый? Больной? Каковы особенности его поведения, жизни? Индивидуализирование же, по Пирогову, как принципиально новый подход к человеку раздвигает рамки медицинской антропологии, предполагая более высокий уровень рассмотрения человека, то есть переход к философской антропологии, а это означает, что понимание телесности врачом сопряжено и с социальным аспектом. Индивидуализирование требует углубленного понимания сознания человека, его духовности, в том числе веры, становится необходимым анализ индивидуального бытия человека с точки зрения среды его жизни, воспитания и т.д. Примечательно, что этот переход от медицинской антропологии к обобщенной, философской Пирогов осуществляет органично, хотя целостную антропологическую концепцию он не разрабатывает.

В работах ученого можно выделить ряд тем такого перехода.

1. Как было отмечено, проблема телесности занимает значительное место в работах хирурга. При этом он затрагивает ее не только как теоретическую проблему медицины, но наполняет социальным смыслом, связывая с «общественным милосердием», которое «принадлежит к убеждениям новейшего времени, еще совсем не укоренившимся»⁷. И что еще более ценно, Николай Иванович придает этой проблеме практическое значение, а именно:

- как, сообразуясь с телесностью человека, решать вопросы организации его лечения;
- какие типы госпитальных сооружений наиболее оптимальны для массового лечения людей;
- какое значение имеет гигиена в жизни людей и в их лечении;
- как должна быть организована профилактика заболеваний.

Глубокое понимание и знание организма человека, его тела лежали в основе практической работы нашего гениального соотечественника, в том числе в организации здравоохранения. Пирогов выступает против «скучивания больных в закрытых пространствах», к которым относит современные ему школы и больницы. «Как скоро, – пишет он, – целую массу человеческих организмов и личностей

¹ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 171–172.

² Там же.

³ Там же С. 318.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 320.

⁷ Там же. С. 11.

запирают в закрытые заведения – с целью ли научить, исправить или вылечить, – худая сторона органической и нравственной природы человека не замедлит проявить себя прежде хорошей»¹. В связи с этим он предлагал план совершенствования системы постройки госпиталей, считал необходимым увеличить расходы на административно-гигиенические меры для предотвращения болезней в массах, «скученных» в столицах и больших городах. Истинный прогресс медицины Пирогов видел в гигиене, в медицине предохранительной². Под широко проводимыми гигиеническими мероприятиями он имел в виду и улучшение быта рабочих, выведение их из подвалов, землянок и кое-как сколоченных сараев.

II. Если проблемы телесности человека, его связи с животным миром Пирогов анализирует сначала как относящиеся к медицинской антропологии, то проблемы пространства и времени человеческого быта и развития, целостности человека и его противоречивости, веры и человека, человека и вселенной трактуются им преимущественно в сфере философской антропологии, и из этой трактовки хирург Пирогов извлекает практически важные смыслы для лечебной деятельности.

В «Дневнике старого врача» достаточно четко обозначена проблема «двойника» как выражение противоречий в телесном и духовном пространстве человека. «Странно и непонятно, – пишет Пирогов, – свойство делиться нашего Я»³. Николай Иванович усматривает его в единстве сознания и бессознательного или, как он подчеркивает, «вполне сознательного грамматического Я „есмь”» и «еще задолго ему предшествующего бессознательного мышления», да и это «вполне сознательное мышление имеет свою бессознательную логику»⁴. Пирогов отчетливо обозначает проблему бессознательного как объект анализа, исследования. Он подчеркивает, что для точного решения вопроса о сознательности и бессознательности наших ощущений, мыслей и суждений необходимо умение превращать свое субъективное «Я» в объект постоянного и непрерывного наблюдения этого же самого субъекта им же самим.

Однако эту амбивалентность человека Пирогов не считает таинственной и роковой, так как мир, в котором живут люди, противоречив и диалектичен по своему существу. «Понятие о беспредельном пространстве, – пишет ученый, – имеет свое отрицание в измеряемых и оформленных предметах, понятие о бесконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служит отрицанием смерть; даже для уяснения одного из свойств божеской природы – добра – сделался необходимым дьявол»⁵.

В связи с этим размышления Пирогова о противоречивости человека деятельны и конструктивны, потому что направлены на обретение человеком гармонии в нем самом, в его жизни, в его отношении к другим людям,

окружающему миру. Пирогов не считал «двойственную бухгалтерию» (признание и науки, и веры) невозможной и абсурдной. Более того, он подчеркивал, что личность, имеющая такую «может быть в одно и то же время и человеком науки и человеком веры, – и в вере, и в науке вполне искренним»⁶. Особенность рассуждений Пирогова о вере не только в их метафизическом смысле⁷ и значении, но и в том, что он переводит их в практическую плоскость, обозначая тему «врач и вера», о чем было упомянуто выше. «Не безумно ли, не бесчеловечно ли, – пишет он, – отнимать у себя и у других ведома целебное средство потому только, что оно не укладывается в рамки доктрины, еще далеко не раскрывает правды?»⁸ Следовательно, речь идет опять же о многогранности человеческой природы, которая не может базироваться и быть объясненной только на опыте или только на вере.

Эти положения В.В. Зеньковский характеризует как новую метафизику, построенную Пироговым, в которой учение о мировом мышлении становится исходным пунктом мировоззрения ученого, а над мировым мышлением он признает абсолюта, верховную волю Творца (Бога). Зеньковский подчеркивает также, что живое ощущение мирового разума и истолкование в свете этих идей тем космологии и антропологии, которыми полнится «Дневник старого врача» Пирогова, предвосхищают космологические построения (начиная с Вл. Соловьева), которые представлены в русской философии⁹ в последующем развитии.

В заключение следует отметить следующее:

1. Антропологические идеи Пирогова интересны и глубоки, хотя и не представляют собой цельную систему. К вопросам философской антропологии он подходит с позиции медицинской антропологии, обогащая и соединяя естественнонаучные наблюдения метафизическими выводами.
2. Естественнонаучная медицинская антропология определяет место человека в царстве живых существ, изучает его телесную организацию посредством анатомии и физиологии. Для хирурга Пирогова близость к ней естественна и правомерна.
3. Вместе с тем в центре мировоззренческих размышлений Пирогова всегда стоит человек как личность, поэтому его антропологические идеи выходят за рамки только их естественнонаучного выражения, поднимаясь на уровень философской антропологии, приобретая мировоззренческий характер и смысл в решении целого ряда проблем – пространство и время человеческого бытия и развития, целостность человека и его противоречивость, вера и человек, человек и вселенная.

⁶ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 173.

⁷ См.: Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М., 2001 г. Автор отмечает плеяду отечественных мыслителей, начиная с Г. Сквороды, славянофилов, Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьева, причастных к построению метафизики веры. Вряд ли можно ошибиться, сказав, что Н.И. Пирогов находится в этом ряду.

⁸ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 189.

⁹ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. С.190–194.

¹ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 12.

² См. там же. Т. 5. С. 20.

³ Пирогов Н.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 124.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 99.